

Обязана быть его

Автор:

Алиса Ковалевская

Обязана быть его

Алиса Ковалевская

Обязана быть его #1

Пригрозив отобрать дочь, муж заставил меня провести ночь с его боссом, миллиардером Демьяном Терентьевым. А сам сбежал, украв крупную сумму с его счетов, и оставил нас с дочкой без средств к существованию. Я не опустила руки и нашла работу в ресторане. По странной случайности именно здесь любит бывать Демьян. Он винит меня в обмане и желает вернуть украденные деньги? Или хочет, чтобы та ночь получила продолжение?..Содержит нецензурную брань.

Алиса Ковалевская

Обязана быть его

Глава 1

– Да! – рыча, Эдик сжал мои запястья так сильно, что я прикусила губу от боли.

Сделал движение бёдрами, входя до упора. Я поморщилась. Прелюдии не хватило даже на то, чтобы я почувствовала возбуждение, но его это не интересовало. В последнее время мои желания его вообще не интересовали.

Свободной рукой я провела по его плечу, пытаюсь расслабиться, почувствовать его. Он снова ударился в меня, заставляя вскрикнуть.

– Пожалуйста, не так, – морщась, на выдохе попросила я. Кончиками пальцев погладила его шею, пытаюсь дать понять, что я хочу больше, чем есть. Коснулась волос.

– Раздвинь ноги, – дыхание его обожгло щёку.

Я послушалась. Знала, что ему не нравится, когда я перечу. Он выпустил моё запястье и вогнал член так глубоко, что я вскрикнула и зажмурилась.

Он продолжал брать меня – резко и быстро. На лбу его выступила испарина, а я думала о том, что хочу, чтобы всё это закончилось. В последнее время во время секса я всё чаще только об этом и думала.

– Да... – он закатил глаза. Плечи его напряглись, по телу прошла судорога. – Вот так... – с очередным толчком он наклонился ко мне и впился в губы.

Я приоткрыла рот, отвечая на поцелуй. Не думая, притянула его к себе, пытаюсь быть ласковой, покорной. Соня проснётся минут через двадцать, и за это время мне нужно успеть привести себя в порядок. Сварить кофе и подогреть завтрак...

– Эдик... – шумно дыша, я погладила мужа вдоль позвоночника. Между ног было липко и влажно. Тронула его волосы, пытаюсь вспомнить, как было раньше, но воспоминания казались блёклыми, словно кто-то прошёлся по ним ластиком. Живот ныл, запястье горело, и я знала, что скоро там проявятся новые синяки. Опять придётся надевать кофту с длинными рукавами. А лучше водолазку, потому что...

Я коснулась пальцами горла. Вчера он так больно сжал мою шею, что воспоминания до сих пор отдавались страхом.

Перекатившись на другую сторону постели, Эдуард удовлетворённо застонал и потёр лицо ладонями. Я лежала молча, не зная, что лучше – сразу пойти на кухню или попробовать заговорить. Вчера он вернулся с работы в отвратительном настроении, и, судя по всему, за ночь лучше оно не стало.

- Эдик, - я всё же приподнялась на локтях и подалась к нему. - Что-то...

- Приготовь кофе, - оборвал он меня.

Резким движением сел на край и, потрянув головой, провёл ладонью по волосам, а затем и вовсе поднялся.

- И сделай на ужин что-нибудь нормальное. Не то дерьмо, что было вчера.

Я присела в постели. Опустила голову.

- Вчера мы с Соней...

- Меня не волнует, что было у тебя с Соней, - прошёл к шкафу, открыл его и тут же захлопнул. Обернулся ко мне и, одарив тяжёлым взглядом, прочеканил:

- Ты только и делаешь, что прикрываешься дочерью. Чем ты занимаешься целыми днями?! Я зарабатываю, содержу семью, а ты...

- Вчера мы ходили ко врачу, - всё же выговорила я, хотя знала, что лучше промолчать. Когда Эдуард был в подобном настроении, стоило молчать, но вчера день и правда был не из лучших. Дождь, сбой в электронной очереди...

Потерев лицо ладонями, я опустила голову ещё ниже, но после всё же посмотрела на Эдика.

- Хорошо, - вздохнула, пытаюсь успокоить его, и потёрла ноющее запястье. - Что ты хочешь на ужин?

- Можно подумать, ты на многое способна, - он снова открыл шкаф. Осмотрел развешанные по цвету рубашки и, вытащив одну, презрительно скривил губы. - Сколько раз я говорил тебе, как надо их гладить? - рубашка опустилась возле меня, вешалка больно ударила по бедру. - Сколько?! - рявкнул и, достав другую, осмотрел пристально.

- Она нормально поглажена, Эдуард, - я взяла первую и, встав, подошла к мужу, понимая, что что-то действительно происходит. - Ты можешь...

– Не нормально, – он крепко взял меня за локоть и сдавил руку. – Если я говорю, что она поглажена плохо, Дарина, значит, она действительно поглажена плохо, – взгляд прямо в глаза. Тёмный, тяжёлый.

Шея опять заныла, напоминая, чем могут закончиться препирательства с ним, горло сжалось выдохом. Я кивнула. Облизнула губы.

– Я переглажу, извини, – сказала тихо.

Ещё несколько секунд он смотрел на меня, будто хотел убедиться, что я всё поняла правильно, а после разжал пальцы. Кивнул. Забрав рубашку, я поспешно вышла. Взяв в ванной халат, накинула его. Как ни хотелось мне принять душ, времени на это не было. После... Вначале кофе и завтрак, а потом всё остальное. Растёрла ноющую руку и, глянув в сторону детской, пошла на кухню.

Отведя Соню в сад, я вернулась домой. По пути зашла в магазин и купила бутылку красного вина, чтобы замариновать мясо. В прошлый раз телятина пришлась Эдуарду по вкусу, но уверенности в том, что и теперь он останется доволен, у меня не было. В еде он любил разнообразие и изыски, я же, выросшая в простом посёлке, готовила хоть вкусно, но просто.

Отец мой исчез с горизонта, едва узнав про мамину беременность, и приходилось нам несладко. Жареная картошка, борщ на курином бульоне... Сразу после свадьбы Эдуард оставил на кухонном столе толстенную поваренную книгу и довольно жёстко объяснил, что должна уметь его жена.

Закончив с мясом, я перебрала рубашки. Присматривалась к каждой, пытаюсь отыскать изъяны, но выглядели они идеально. Идеальный дом, идеальный порядок, идеальные рубашки, идеальная семья, чёрт возьми!

– Будь ты проклят! – всхлипнула я, резко повесив очередную рубашку в шкаф, и тронула шею. – Ненавижу...

Порой мне казалось, что у нас действительно всё в порядке. Дочь ни в чём не нуждалась и, вспоминая собственное детство, я была счастлива этому, как только может быть счастлива мать за своего ребёнка. Что же до меня самой...

Наверное, многие мне завидовали. Работая в крупной успешной компании финансовым директором, Эдик полностью обеспечивал нас. Хорошая квартира, пусть и съемная, красивые вещи, подарки...

А идти мне было некуда. Вернуться в родной посёлок, в крохотную однокомнатную квартирку к маме? Подобного я не желала. Не желала для Сони.

Уперевшись лбом в дверцу шкафа, я выдохнула, и на зеркале остался влажный след. Посмотрела на себя. Когда-то я была хорошенькой, да и сейчас... Провела пальцами по волосам, приглаживая их, и снова коснулась тёмных пятен на шее. Отвернулась, не давая себе времени думать об этом. Что толку? Забеременела я рано, в девятнадцать, взяла в институте академический отпуск, уверенная, что через год продолжу обучение. Но этого не случилось. Муж был категоричен: семья и ничего кроме. Растерянная, я сдалась, в тайне надеясь, что со временем смогу переубедить его. Какой же я тогда была наивной...

– Может быть, вам стоит сходить к психологу, – Света задумчиво покрутила за ручку чашку с чаем, что стояла перед ней, и подняла на меня взгляд. – Вместе, Дарин.

– Он не пойдёт, – вздохнула я. Обхватила свою обеими ладонями и прислушалась к шуму, доносящемуся из детской.

Ужин был почти готов, дочь из сада я забрала ещё пару часов назад. Предугадать заранее, во сколько вернётся Эдуард, было почти невозможно. Порой он приходил совсем рано, в пять или около того, а порой задерживался едва ли не до ночи. Конечно же, можно было позвонить и спросить, но звонки в рабочее время он не любил, а раздражать его мне не хотелось.

– Вам нужно что-то делать, – настойчиво проговорила подруга, и во взгляде её появилось красноречивое выражение. Мне же оставалось только крепче обхватить чашку.

– Что я могу сделать? – спросила подавлено.

Светка продолжала смотреть на меня.

Я знала, что порой она осуждает меня за бездействие. Я и сама себя осуждала, но стоило мне только собраться, чтобы попробовать поменять хоть что-то, отвратительность реальности наваливалась со страшной силой. В точности, как сегодня.

– Я полностью зависима от него, – проговорила очень тихо. – И ладно бы я одна. Соня... Сама знаешь, ей в школу скоро.

– Даже не знаю, что сказать... – подруга смягчилась.

За что я любила её, так это за умение не только слушать, но и слышать. Сейчас она могла бы надавать мне кучу правильных на первый взгляд советов, обвинить Эдуарда во всех смертных, но какой был в этом толк? В одиночку растя маленького сына, она прекрасно понимала меня. Другое дело, что её живущие неподалёку родители всегда были на подхвате, да и институт, в отличие от меня, Света закончила.

– Что тут скажешь? – удручённо качнула я головой. Перехватила её устремлённый на моё запястье взгляд и натянула рукав кофты. – Нечего тут говорить.

В глубине коридора раздался звук торопливых шагов, а ещё через несколько секунд в кухню влетела растрёпанная Соня. Глянула на стол и потянулась к вазочке с печеньем. Я поспешно перехватила её маленькую ладошку. Такая крохотная... Стоило посмотреть на дочь, сердце моё наполнилось теплом. Поморщив хорошенький носик, она ловко высвободила ручонку и схватила-таки печенье.

– Ужин скоро, – напомнила я, не дав ей взять второе.

– Ну и что? – бойко отозвалась она и собралась было улизнуть обратно в детскую, но я поймала её за воротник домашнего костюма. Подтянула к себе и быстро обняла.

– Что-то случилось? – будто почувствовав моё настроение, она серьёзно посмотрела на меня, я же, мягко улыбнувшись, качнула головой.

– Она так на тебя похожа, – стоило Соне скрыться в коридоре, улыбнулась Светка. Как будто открытие сделала.

Дочь действительно была похожа на меня: глаза, губы, цвет волос. Только в осанке и чертах лица прослеживалось что-то от Эдика. Что-то, что добавляло ей утонченности, коей мне всегда не хватало.

Не успела я ничего сказать на это, в замке повернулся ключ. Я тут же глянула на часы. Времени ещё и половины шестого не было. Уже и не помню, когда Эдик возвращался домой так рано. В груди появилось тревожное чувство, запястья заныли, напоминая о том, что было совсем недавно.

Быстро взглянув на Свету, я поднялась из-за стола и сделала пару шагов в сторону коридора. Увидела вошедшего в квартиру мужа и поспешила выйти навстречу.

– Ты рано... – потянулась, чтобы помочь снять ему пиджак. Он любил, когда я забирала его одежду, а после сразу шла чистить её, даже если в этом не было необходимости.

– Ты не одна, – заметив Светины туфли, резанул мрачным взглядом.

У меня задрожали руки. Стало ясно, что тревожное предчувствие было не напрасно. В каждом движении Эдуарда, в каждом сказанном им слове ощущалось что-то угрожающее, не сулящее ничего хорошего.

– У меня Света, – отозвалась я тихо.

В коридор, держа в руках длинноволосую куклу, выбежала Соня. Увидев отца, застенчиво улыбнулась и, немного усмирив свой пыл, подошла. Посмотрела на него снизу-вверх, но он лишь мазнул по ней взглядом и, не разуваясь пройдя в кухню, приказал:

– Пошла отсюда.

Глава 2

Света неспешно поставила на стол чашку. Посмотрела на Эдика, после на меня. Я жестом попросила её не перечить ему и не говорить ничего такого, что могло бы разозлить его сильнее. По выражению лица подруги мне было понятно, насколько сильно её желание ответить ему в том же тоне, но она правильно поняла меня.

– Здравствуй, Эдуард, – встала.

На миг остановилась, проходя мимо него.

Он напрягся, стиснул руки в кулаки, и я увидела, как вздулись вены на его запястьях. Честно говоря, в этот момент мне стало по-настоящему страшно. Что случилось?! Что у него случилось?! Никогда прежде он не возвращался домой в подобном настроении. Одно дело, когда мы ссорились, или он просто был недоволен мной, но, чтобы с порога...

– Посиделки закончились, – процедил он, одарив её пренебрежительным взглядом.

Света прошла мимо. Коснулась моей ладони кончиками пальцев, и в этом простом жесте было столько всего, что мне захотелось обнять её. Наверное, она была единственным человеком в моей жизни, с которым я имела возможность поделиться проблемами, переживаниями, пусть и знала – это всё равно ничего не изменит.

После свадьбы с Эдуардом у меня не осталось никого. Один за другим он выдавил из моей жизни друзей и просто знакомых, которых и так было мало, ибо в Москве на тот момент я пробыла недолго, а прошлая жизнь осталась в прошлом.

– Пап, – Соня всё же подошла к отцу и, взяв за руку, потянула его, привлекая к себе внимание. – Посмотри...

Эдуард дёрнулся. Опустил на дочь взгляд, глянул на протянутую ему куклу и, ничего не сказав, прошёл в спальню.

– Иди к себе, малыш, – шепнула я, коснувшись её мягких волос. – У папы плохое настроение.

– Это из-за меня? – её губки приоткрылись, в глазах появилась растерянность.

Я поспешила покачать головой и снова погладила её по голове. Взяла из рук длинноволосую Барби, поправила туфельку на её ноге и вернула дочери.

– Какая красивая. Ты косу ей заплела? Сама?

– Угу, – Соня выглядела расстроенной.

Эдуард никогда не проявлял к ней слишком уж тёплых чувств, но даже несмотря на это, она любила его. Любила и должно быть, подсознательно пыталась добиться ответной любви. Бедная моя девочка...

Вздыхнув, я убрала с её личика волосы и повторила:

– Иди к себе, малышка. Пожалуйста.

Взяв за руку, я проводила её до детской. Прикрыла дверь и, собравшись с духом, вошла в нашу спальню.

Эдуард, непривычно взъерошенный, мерил комнату шагами. Увидев меня, остановился и осмотрел с головы до ног. Внутренности обдало холодом, дыхание перехватило, и я едва не потянулась к горлу, но вовремя остановила себя.

Ничего не сказав, Эдуард тряхнул головой и снова прошёлся по комнате. Остановился возле окна, резко отдернул штору, посмотрел на улицу, но я понимала – ничего из происходящего за окном он не видит. Или видит, но его это не волнует.

Заткнув поглубже тревогу, я плотно прикрыла за собой дверь. Пожалела, что не додумалась попросить Свету взять Соню к себе хотя бы на пару часиков. Жила она недалеко, и я бы смогла забрать дочку чуть позже. Хотя... Сложно сказать, как отнёсся бы к этому Эдик.

– Я приготовила ужин, – аккуратно начала я, выбрав между этим и вопросом о том, что случилось.

Эдуард глянул на меня так, словно я была недалёкой, и мне стало ясно, что стоило всё-таки выбрать второе.

– Хочешь, я накрою на стол, и ты расскажешь мне, что случилось? – приблизившись на пару метров, спросила я всё с той же осторожностью.

Последние годы научили меня сдержанности. Эдуард напоминал сжатую пружину. Казалось, стоит только задеть её, и она распрямится.

– Мне не до твоего ужина, – грубо ответил он и снова посмотрел на меня. Теперь медленно, словно оценивал.

Задержался на лице, на груди, опустил взгляд к бёдрам и ногам.

– Приведи себя в порядок, – вдруг прочеканил он жёстко и холодно.

Я так и замерла. В порядок? Днём я вымыла голову, нанесла лёгкий макияж, как он любил. Обычно этого хватало, чтобы он остался доволен.

– Мы куда-то идём? – лихорадочно соображая, что в этом случае придётся всё-таки попросить Светку взять к себе дочь, спросила я.

Обычно Эдик предупреждал о встречах, где мне нужно было его сопровождать, о важных вечерах, устраиваемых компанией и прочих мероприятиях заранее.

Может быть, я что-то пропустила? Не поняла, не услышала? Нет... Точно нет. Он обязательно напомнил бы днём. Да и сейчас говорил бы иначе...

– Не мы, – приблизился ко мне вплотную и, взяв за подбородок, посмотрел в лицо. Но снова иначе – оценивающим взглядом. – Ты идёшь, Дарина.

Я судорожно выдохнула и отступила. Непонимающе мотнула головой.

– Куда?

– Поедешь к моему шефу, – глаза его стали совсем тёмными, в уголке жёсткого рта зародилось нечто похожее на пренебрежительную усмешку.

– К шефу? – должно быть, непонимание в моём голосе звучало настолько отчётливо, что он немного смягчился. По крайней мере, взгляд стал не таким пугающим. – Но... Зачем? Зачем мне ехать к твоему шефу?

Подушечкой большого пальца муж коснулся моей скулы. Погладил почти нежно до уголка губ, но в нежности этой было нечто леденящее. Как будто я падала с высоты на мягкую-мягкую траву, заведомо зная, что под ней скрываются острые камни.

Повернув ладонь тыльной стороной, он погладил меня по щеке, собрал волосы и выпустил их. После опустил пальцами по шее и только после ответил:

– Ты ему нравишься.

Мысли совсем перемешались. Нравлюсь?! Господи... Что он говорит?! Да и вообще к чему это?!

– Нравлюсь? – переспросила я, пытаюсь понять, что он имеет в виду.

– Думаешь, я не видел, как он шарился по тебе? – пренебрежительная усмешка стала заметнее, нежность прикосновений напоминала ожидание удара.

Поёжившись, я сглотнула, но постаралась ничем не показать, что происходящее начинает по-настоящему пугать меня.

– Будь его воля, он бы трахнул тебя прямо там.

– Что ты такое говоришь, Эдик? – шёпотом отозвалась я, покачивая головой. – Он до меня не дотрагивался. И...

– Заткнись! – зарычал он и схватил меня сзади за шею. – Заткнись и слушай, сука. У меня проблемы. Большие проблемы на работе. Сейчас ты приведёшь себя

в порядок, поедешь к Демьяну и сделаешь всё, чтобы эти проблемы стали не такими большими. Хоть раз в жизни ты способна сделать что-то стоящее?!

Его жаркое дыхание опаляло кожу, в горле пересохло. Происходящее казалось нереальным. Эдуард всегда был ревнивым, после свадьбы же это стало почти невыносимым. Любой направленный в мою сторону мужской взгляд, любая попытка других мужчин заговорить со мной... А сейчас...

– Я не шлюха, – просипела я, понимая, что дрожу.

– Ты?! – злая усмешка исказила его лицо. – Ты самая настоящая шлюха! Давай, – толкнул меня к двери. – Зря я кормлю тебя?! Обработай его как следует.

– Я не шлюха! – выкрикнула, понимая, что начинаю захлёбываться слезами. – Да если бы и была... Чем я тебе помогу?! При чём тут я?! – шумно дыша, я смотрела на него, не понимая, чего он хочет от меня.

Что у него за проблемы? С работой?! С деньгами?! Но большие мальчики играют по большому, при чём тут я?!

Я вспомнила его начальника: красивый, высокий мужчина лет тридцати пяти, может, немного старше. Человек, по одному только взгляду которого можно понять, что у него есть абсолютно всё, что ему нужно. А если чего-то нет... Если чего-то нет, он получит это по первому щелчку пальцев. Вещи, недвижимость, женщин...

Мы действительно перекинулись с ним несколькими словами на одном из устроенных компанией банкетов. Я вспомнила его глаза – чёрные. Взгляд его подавлял волю, бархат, что звучал в голосе, был обманчивым. Может быть... может быть, он действительно смотрел на меня с неким интересом. Не знаю... В висках у меня стучало, в голове плыло.

– Что ты сделал? – выдавила я сипло, чувствуя себя пойманной в силос канарейкой.

Глядя на Эдуарда, я понимала – если не сделаю так, как он хочет, будет хуже. На скулах его выступили желваки, губы были поджаты.

– Ничего, – процедил он и снова оказался возле меня. – Пытался заработать деньги для того, чтобы оплатить всё, что тебе нравится. Эту грёбаную квартиру, твои посиделки с подружками...

Схватив за локоть, он потащил меня к ванной. Мельком я заметила, как в приоткрытой двери детской появилась Соня и постаралась собраться, но у меня ничего не вышло.

– Мои посиделки? – всхлипнула я. – Эдуард, пожалуйста...

– Чтобы через полчаса ты была готова, – он впихнул меня в ванную. Зашёл следом, захлопнув дверь и принялся стаскивать домашнее платье.

Я стояла, судорожно всхлипывая, и не знала, что делать. Волна за волной по телу пробегала дрожь, слёзы градом бежали по щекам. Не прошло и минуты, как я стояла совершенно обнажённая под пристальным взглядом мужа.

Отступив на шаг, он внимательно осмотрел меня. Я слизнула с губ соль. Меня передёрнуло, когда он, намотав на палец локон моих волос, подтянул меня к себе и звонко ударил по заду. Прижал к своему паху. Я почувствовала его твёрдый член, пальцы его, пройдясь меж ягодиц, коснулись ануса, после скользнули ниже и резко вонзились в меня.

– Встанешь на колени и хорошенько отсосёшь у него, – заставляя меня запрокинуть голову, процедил Эдик. – Ты, конечно, в этом не очень, но будь добра, уж постарайся.

Резко он вогнал пальцы ещё глубже. Потом ещё, до упора. Я тихонько захныкала, пытаюсь отстраниться, оттолкнуть его. Меня тошнило, внутри саднило ещё с утра, и я была не готова к очередной его грубости. От его дыхания, от его слов было мерзко. Так мерзко, что, казалось, меня вот-вот вывернет.

Губы его прошлись по шее, языком он поднялся по венке, по подбородку и, жёстко обхватив мой затылок, приблизил лицо к своему.

– Поняла меня? – процедил в губы.

Я не ответила, только всхлипнула. Он стиснул зубы, ударил меня ещё сильнее по заду.

- Поняла? - уже рыча.

Я молчала. Подбородок дрожал, а я просто смотрела на человека, с которым прожила больше пяти лет, на своего мужа, и не верила, что это происходит на самом деле.

- Поняла?! - заорал он, и одновременно с этим щеку мою обожгло ударом.

Вскрикнув, я схватилась за лицо и зарыдала в голос. Униженная, трясущаяся, опиралась ладонью о стиральную машинку, а Эдуард нависал надо мной, полный ярости. Намотав волосы на ладонь, он заставил меня выпрямиться.

- Дарина, ты поняла меня? - совсем тихо, почти не размыкая бледных губ.

- Поняла, - на всхлипе ответила я.

Он тут же погладил меня по лицу, в том месте, где кожа пылала после пощёчины. Вначале очень легко, потом с нажимом, заставляя поморщиться, напоминая, чем грозит неповиновение. Обнял за талию и, прижав к себе, накрыл рот губами. Покусывая, он целовал меня так, что я не могла дышать. Тёрся о меня бёдрами.

- Вот и молодец, - напоследок прикусив нижнюю губу, он кивнул. Вытер с моего лица слёзы и отступил. - Чтобы через двадцать минут была готова, - пристально посмотрел в глаза. - Дай ему хорошенько себя трахнуть. Хорошенько, Дарина.

- Эдик... - уже не пытаюсь ничего понять, я просто проскулила, - какой в этом смысл? Что я сделаю?

- Для начала дай ему то, чего он хочет, - Эдуард остановился в дверях. - А дальше видно будет.

Оставшись одна, я в бессилии присела на борт ванной. Выпотрошенная, накрыла лицо ладонями и почувствовала собственную нервную дрожь. Двадцать минут...

Как в тумане я осмотрела ванную, не понимая, что должна сделать. Душ... Наверное, мне нужно принять душ. А потом...

В прострации я открыла воду и встала под упругие струи. Финансовые проблемы, квартира... Прислонилась лбом к стене и беззвучно разрыдалась.

Глава 3

- Не это, - отрезал Эдуард, когда я, достав из шкафа спускающееся чуть ниже колен розовое платье с крупными пионами, надела его.

Он сидел на краю постели и внимательно наблюдал за мной. Наблюдал за тем, как я укладываю волосы, как, борясь со снова и снова набегающими слезами, наношу макияж, как замазываю тональным кремом тёмные следы на шее.

- А какое? - едва слыша собственный голос, спросила я.

Эдик встал и, подойдя ко мне, принялся перебирать вешалки. Он стоял прямо за мной, и я чувствовала, как тело его соприкасается с моим, чувствовала запах его одеколона и понимала, что к горлу опять подступает тошнота.

- Вот это, - он вытащил чёрное платье футляр. - Ты в нём кажешься изящнее.

Не помню, чтобы я хоть раз надевала это платье при муже, но спорить не стала. Взяла вешалку в руки. Так и есть - к платью всё ещё была прикреплена бирка. Должно быть, я раз примерила его после покупки.

Ладонь Эдика опустилась мне на спину, меж лопаток, вторая легла на зад.

- Запомни, ты должна постараться, - он задрал подол платья.

Шумно выдохнул, прямо у меня над ухом, поглаживая по бедру. Я старалась не обращать внимания на его касания, старалась, чтобы чувства не захлестнули меня. Член его снова стал твёрдым, и я ждала, что он задерёт подол выше, но

делать этого Эдик почему-то не стал.

Стоило ему отойти, я почувствовала некое облегчение.

- Покорми Соню, когда я уеду, – сглотнув вставший в горле ком, попросила я.

- Ты не могла сделать этого сама? – с пренебрежением осведомился он, снова садясь на кровать и наблюдая за тем, как я убираю розовое платье.

- Мы ждали тебя.

Сняв бельё, я отвернулась. Достала чёрный кружевной комплект и надела его. Мельком поймала в зеркале своё отражение, но вглядываться не стала. Чёрное платье-футляр коснулось тела, и я опять нервно вздрогнула. Заставила себя посмотреть на Эдуарда.

- Так лучше? – спросила и, вытащив коробку с лаковыми туфлями, надела их.

- Куда лучше, – согласился он и поманил меня пальцем.

Я покорно подошла и встала меж его раздвинутых ног. Глядя снизу-вверх, он провёл ладонями по моим бёдрам, забрался под подол и, отодвинув трусики в сторону, провёл меж половых губ.

- Не забудь, что ты должна быть мокрая. Уж не знаю, чего Терентьев нашёл в тебе... – пальцы вонзились в плоть, и я сжалась. Заставила себя сдержаться, не показать чувств. Что-то подсказывало, что это дало бы ему ещё какой-то повод. Какой и для чего? Мне было уже всё равно. По крайней мере здесь и сейчас всё равно. А что дальше... Об этом я и думать боялась, потому что что-то подсказывало – ничего не изменится.

Пальцы медленно скользили во мне туда-сюда, потом чуть быстрее и снова медленнее до тех пор, пока я не остановила Эдуарда, взяв за руку.

- Я сделаю, как ты сказал, – посмотрела на него. В сущности, он ничего не сказал, только... Только то, что я должна быть послушной и хорошей. Хорошей...

- Ещё как сделаешь, - подтвердил он. - Я отвезу тебя, - заявил, вставая.

- Надо покормить Соню, - тут же возразила я.

Эдуард замешкался. Присмотрелся ко мне, а после всё же проговорил:

- Заканчивай тут, я положу ей ужин. Поест сама.

Меня тряхнуло. Хоть Соня и была достаточно разумной для своих пяти с половиной лет, но вот так... Но возразить не посмела. Дочь действительно могла справиться сама.

- Она слишком маленькая, чтобы оставаться дома одной, - сказала, когда Эдуард был уже в дверях.

- Ничего, - он в который раз пробежался по мне взглядом. - Надень на шею цепочку, что я подарил тебе на годовщину. С бриллиантовой подвеской.

- Эдик... - как он может говорить о цепочке, когда речь идёт о дочери?! Как?!

- За час с ней ничего не случится, - поняв меня, прочеканил Эдуард. - Я включу ей мультфильм и оставлю немного попкорна. Уверяю тебя, - усмешка в уголке губ, - она даже не заметит, что одна.

Я прикрыла глаза. Заставила себя успокоиться. Как бы там ни было, он - неплохой отец. Неплохой. Он никогда не обижал дочь, даже голос на неё повышал крайне редко. А я... Я справлюсь.

- Это просто плохое время, - вернувшись, Эдик коснулся моей щеки. - Прости. Прости, Дарина. Потом будет лучше.

Вовсе не уверенная в этом, я заставила себя кивнуть. Он мягко, едва ощутимо, коснулся моих губ своими и снова, глядя в глаза, погладил по всё ещё ноющей щеке.

- Прости, я не хотел.

– Двадцать девятый этаж, – повторил Эдуард, подведя меня к одному из лифтов, находящихся в глубине холла.

Квартира Демьяна Терентьева находилась в том же здании, что и офис компании, но на несколько этажей выше. Прежде я уже бывала тут, но никогда нигде помимо офиса. Лифты, что поднимали туда сотрудников и посетителей, находились в главном холле, здесь же всё было незнакомым.

До боли в пальцах сжав маленький клатч, я ждала, когда створки разъедутся в стороны. Понятия не имею, зачем Эдуарду потребовалось провожать меня. Хотел убедиться, что в последний момент не передумаю? А разве он оставил мне хоть один шанс на это?

– Я помню, – прошелестела одними губами.

– Хорошо, – ладонь его прошла по моей спине от шеи до ягодиц. Легонько похлопав, он подтолкнул меня к открывшейся кабинке.

– Пожалуйста, – обернулась я к нему напоследок. – Помоги Соне умыться и почистить зубы. И уложи её вовремя. Она...

– Я знаю, как обращаться с собственной дочерью, – отрезал он, перебив меня.

Я закрыла рот. Всмотрелась в его лицо, встретила с жёстким взглядом. Слова кончились вместе с надеждами.

– Конечно, – сжала клатч ещё крепче и, войдя в кабинку, нажала нужную кнопку.

Дверцы медленно сомкнулись, лифт мягко поехал вверх. Сама себе я напоминала заточённую в короб из металла заложницу. Заложницу собственной жизни, собственного выбора, обстоятельств и своей слабости. Посмотрела в висящее на стене зеркало. Волосы мягкими светло-каштановыми локонами обрамляли лицо, падали на плечи и спину, большие карие глаза были подчёркнуты дымчато-сиреневыми тенями. Не знаю, выглядела ли я растерянной или напуганной. Внутри меня образовалась такая пустота, что все остальные чувства потонули в ней, будто их никогда не было.

Лифт остановился, и я, расправив плечи, вышла в светлый, оформленный в белых, бежевых и бледно-кофейных тонах коридор. Всё здесь выглядело дорого, под стать владельцам расположенных на этаже квартир. Не знаю точно, сколько их тут было: судя по замеченным мною табличкам, три или четыре. Стук каблуков глушил мягкий ковёр, устилавший пол, на стенах висели подсвеченные маленькими лампочками абстракции.

Дойдя до нужной квартиры, я нажала на кнопку звонка. Понятия не имела, что скажу, когда Терентьев откроет мне дверь. В сущности, он мог выставить меня, даже не слушая.

Секунды ожидания отдавались тяжёлыми ударами сердца в груди. Что будет, если он и правда пошлёт меня куда подальше? В машине Эдуард напомнил мне, кто я и кто он.

– Стоит мне сделать несколько звонков, – сухо процедил он, когда я очередной раз попробовала сказать ему, что из этого ничего не выйдет, – и дочь ты больше никогда не увидишь. Я могу сделать так, Дарина, что тебя не только родительских прав лишат, но и запретят приближаться к ней даже на сотню метров.

– Ты этого не сделаешь, – только и отозвалась я тогда. Руки вдруг перестали слушаться, клатч выскользнул на колени, и чтобы взять его, мне потребовалось собрать все силы.

– Хочешь проверить? – внезапно он притормозил возле обочины и разблокировал двери. – Выходи. Иди, – кивнул на дверь. – Но запомни, что я сказал. Ты знаешь, что шутить я не люблю.

Я знала. Знала и, конечно же, не посмела не то что выйти, даже подумать об этом. Сидела, словно заледеневшая, и невидящим взглядом смотрела сквозь лобовое стекло на уносящиеся вперёд по дороге попутные машины. Подождав несколько секунд, Эдик презрительно качнул головой, процедил что-то сквозь зубы и вновь завёл двигатель. А я всё так и сидела, не в силах пошевелиться. Дочь – самое дорогое, что у меня есть. Лишиться её... никогда. Потом... после я обязательно придумаю что-нибудь, а сейчас главное пережить этот вечер и эту ночь. Сделать всё, чтобы Эдуард остался доволен, а, значит, чтобы остался доволен этот его Демьян.

Дверь отворилась почти бесшумно. О том, что я поднимаюсь, Терентьеву уже, без всяких сомнений, доложили, и всё равно я опасалась, что так и останусь стоять на пороге.

- Добрый вечер, Дарина, - быстро, но внимательно осмотрев меня, проговорил он.

Голос его звучал сдержанно, взгляд был беспристрастным. В том, что он знал, кто я такая, удивительного тоже ничего не было - прежде, чем пропустить, охранник записал все мои данные, включая и номер паспорта.

Я смотрела на Демьяна и не знала, что делать дальше. Никогда мне не доводилось приходиться к мужчине с тем, с чем я пришла сейчас. Никогда не доводилось предлагать себя в качестве... В качестве кого, я и сама не знала.

- Добрый, - стараясь говорить как можно увереннее, отозвалась я.

Открыв дверь шире, Демьян оперся локтем о косяк и скрестил ноги. На нём был лишь небрежно перехваченный на поясе чёрный мужской халат, и я могла видеть цепочку, крупными кольцами опускающуюся в вырез, поросль тёмных волос и крепкую шею.

Заставив себя поднять взгляд к его лицу, я снова встретилась с приковывающим к месту взглядом тёмных глаз. Волосы его были влажными, на скулах темнела щетина. Мне стало не по себе. Если Эдуард внушал мне чувство страха, неотвратимости и отвращения, этот мужчина... Ему и голос повышать не нужно было - сила, что исходила от него, харизма, коей он обладал, сами по себе походили на приказ.

Что я тут делаю?! Боже, что?!

- Можно пройти? - всё же осмелилась выдать я.

- Зачем? - он глянул на мои руки, после прошёлся по телу, задержался на мысках лаковых туфель и снова поднялся к лицу. Смотрел он так, словно я была мелочью, что посмела нарушить полуденный сон сытого льва.

– Мне бы хотелось... – я умолкла, не зная, что сказать.

Что мне бы хотелось?! Лечь с ним в постель, потому что мой муж решил, что это может ему помочь?

В чём и как?! Я не знала даже толком, что случилось. Но... Мне вспомнились слова, сказанные им в машине, мягкие волосы дочери, её пахнущие фруктовыми леденцами поцелуи.

– Просто можно пройти? – выдохнула, сделав к нему шаг.

Помедлив ещё несколько бесконечных секунд, он пропустил меня в квартиру. Перешагнув порог, я вдохнула запах власти, денег, сильного самца. Кожа, простор... Не знаю, чем именно тут пахло. Чем-то мужским, чуть терпким и в то же время свежим, ненавязчиво подчиняющим себе волю каждого оказавшегося во владениях Демьяна Терентьева.

– Итак?

Я вздрогнула, поняв, что он стоит прямо у меня за спиной, и инстинктивно обернулась.

Казалось, пространства между нами не осталось вовсе. Я смотрела снизу-вверх куда-то ему в ключицы, хотя шпильки прибавили к моему росту ещё порядка двенадцати сантиметров. С губ сорвался выдох, стоило ощутить лёгкое касание его пальцев к бедру. Клатч выскользнул из рук, но поняла я это лишь тогда, когда он стукнулся о мою ногу.

– Простите... – хотела присесть и подобрать его, но Демьян придержал меня за локоть.

– Вначале ответь на мой вопрос, – он заставил меня распрячиться. – Или ты думаешь, что мой дом – место, куда можно приходить без приглашения?

– Нет... Конечно, нет, – я растерялась. Трудно было понять, говорил он серьёзно или с некой усмешкой.

Судя по его пристальному взгляду, по сдержанности, никакой усмешки не было. Да и с чего бы?

– Я хотела... – губы пересохли, и я облизнула их. – Хотела поговорить об Эдуарде. О том, что случилось.

– Об Эдуарде? – он приподнял бровь. Выпустил мою руку и снова осмотрел. – Не люблю, когда у меня отнимают время, Дарина, – снова прошёлся взглядом от моего лица к шее. – Попробуй ещё раз.

– Я... – сглотнув, я сделала крохотный шаг. Что делаю, что творю и что сделаю дальше – понимала плохо. Но мне вдруг стало ясно – этот человек действительно не позволит мне отнимать у него время.

Ни минуты.

Коснувшись ворота его халата, я прижалась к нему. Посмотрела прямо в глаза и снова ощутила его ладонь. На этот раз она, большая и тяжёлая, опустилась мне на поясницу.

Что говорить, я не знала. Он внушал мне страх. Ему не нужно было спрашивать меня, чтобы понять, зачем я здесь. Без сомнений, лишь посмотрев на меня, он понял это, а стоило мне открыть рот, лишь убедился в правильности собственных мыслей.

– Пришла просить за него? – губы его искривила жёсткая усмешка. Ладонь опустилась на ягодицы.

– Да, – выдохнула, ведя ладонью вверх.

Демьян перехватил мою руку и, чуть сощурившись, долгим взглядом посмотрел в глаза.

– Ну что же... Проси, – выпустил руку, но взгляд его всё так же проникал внутрь меня, подчинял.

Я заметила, как в черноте его зрачков разгорается пламя. Весь мой опыт состоял из отношений с собственным мужем, но... Не понять, что я действительно вызываю у этого мужчины интерес, было невозможно. И не потому, что я чувствовала это, нет. Он просто ничего не скрывал.

Кивком он указал мне вглубь коридора, и я, больше не пытаюсь поднять клатч, на ватных ногах пошла вперёд, чувствуя, что Демьян идёт позади на расстоянии считанных сантиметров. Чувствовала, как он разглядывает меня, и старалась держать спину прямой. Господи...

– Спальня, – раздалось позади, когда мы подошли к широкой двери, ведущей в одну из комнат.

Я замерла на пороге. Спальня была просторной, с огромным окном и паркетным полом. Кожа, дерево, запах мужчины...

– Тебе повезло, – проходя вперёд, бросил Демьян и взялся за пояс халата. – Сегодня у меня есть время. А это бывает не так часто.

Глава 4

Повезло? Если бы не охватившее меня чувство страха, если бы не волнение и дрожь, что раз за разом пробегала по всему моему телу, я бы, наверное, горько засмеялась. Но сейчас смеяться не было желания. Я и дышала-то через раз. На несколько секунд замешкалась, не зная, должна ли снять туфли возле спальни или нет. Эдуард ненавидел, когда я или Соня ходили по дому обутые. Стоило дочери вбежать в комнату в уличных сандалиях, мне приходилось перемывать всю квартиру. Но Демьяну, похоже, было всё равно.

Остановившись возле огромной постели, спинку которой украшали два деревянных столбика, он развернулся ко мне.

– Я долго буду ждать? – осведомился коротко, с едва заметным раздражением.

Отбросив все мысли, я пошла к нему. Узел пояса на его халате ослаб, и теперь я могла видеть полоску кожи на животе.

– Недолго, – вскинула голову, подойдя вплотную, и, как и там, в коридоре, коснулась ворота халата.

Одно мне было ясно – говорить что-то сейчас бесполезно. Он просто вышвырнет меня за дверь, как подвернувшуюся под ноги блохастую шавку. Может быть, после, когда он немного расслабится, если такое вообще возможно. Как вести себя с людьми, подобными ему? Он привык подчинять и привык, чтобы ему подчинялись.

Скользнув в вырез халата, я спустила его с плеч Демьяна.

– Как ты любишь? – шепнула, посмотрев на него. Поймала его взгляд и в очередной раз почувствовала, что немею перед ним, что у меня перехватывает дыхание.

– Я много чего люблю, – он взял меня за руку и чуть толкнул назад. – Для начала раздёнсья. На тебе слишком много одежды.

Под его взглядом я принялась расстёгивать платье. Наверное, нужно было сделать это как-то иначе – красиво, медленно, я же... Заведя руки за спину, дёрнула вниз крохотную собачку молнии, и только когда она поддалась, поняла, насколько жалко выгляжу. Стоящая перед мужчиной, у которого есть всё, пришедшая даже не по своей воле.

Задержала дыхание и расправила плечи. Тряхнула головой, позволяя волосам колыхнуться тяжёлой волной, и только после медленно спустила платье с одного плеча.

Демьян наблюдал за мной молча. Теперь, когда халат его вовсе распахнулся, я видела тёмные колечки шелковистых волос на его груди, твёрдый живот с убегающей вниз дорожкой... Стоило мне опустить взгляд, я забыла, как дышать. Белья на Демьяне не было, но его это не смущало. Так и не спустив второй рукав, я замерла.

– Быстрее, – приказал он, и я, восторженувшись, потянула вниз платье.

Бесформенной тряпкой оно упало к ногам. Одну за другой я сняла туфли, стараясь, чтобы в этом было подобие эротики. Наши взгляды встретились, и вдруг... Вдруг я поняла, что ему это не нужно. Все мои попытки изобразить хоть что-то не имеют смысла. Для него, пресыщенного жизнью, всё это – вызывающая скуку мишура.

Грудь моя приподнялась и опала со вздохом, пальцами я дотронулась до висящего на шее кулона. Демьян проследил за этим движением. Оно, казалось, вызвало в нём куда больше интереса, чем мой неуклюжий стриптиз и попытки казаться сексуальнее, чем я есть на самом деле.

– У тебя красивое тело, – удовлетворённо проговорил он, осмотрев меня. – Закончи с одеждой.

Быстро я расстегнула лифчик и позволила ему, так же, как и платю, упасть к ногам. Один за другим скатала чулки, стараясь больше не смотреть на стоящего рядом со мной мужчину, ибо понимала, что не смогу. Не смогу ровно дышать, не смогу справиться с дрожью в пальцах.

– Это оставь, – сказал он, когда я коснулась трусиков.

Он оказался около меня прежде, чем я успела переступить через одежду. Ладонь его опустилась на моё бедро, и меня будто ошпарило. Незнакомый запах, знакомый жар...

– Боишься? – шёпот прокрался в сознание. – Тогда зачем пришла?

Я чувствовала себя так, будто выпила лишнего. Понимала происходящее и одновременно не понимала этого. Слышала голос, слова, знала, что говорю, но всё казалось нереальным.

– Не боюсь, – выдохнула, прижимаясь к нему, и провела кончиками пальцев по его напряжённому животу.

Огонь, что горел в его глазах, вспыхнул так ярко, что меня опалило. Я чувствовала огромный твёрдый член и думать боялась, что будет, когда он возьмёт меня. Если даже во время секса с мужем мне было неприятно, то с ним...

Уголок его рта чуть заметно дёрнулся. Обхватив мою ягодицу, он с шумным выдохом сжал её и, не успевая ничего сказать, не успевая коснуться его, толкнул меня на кровать. Я упала на бедро, приподнялась на локте и уткнулась на него, надвигающегося на меня грозной чёрной тучей, огромным диким зверем, в чьё логово я неосторожно забрела.

– Учти, девочка, – глухо проговорил он, – ты сама пришла.

Халат его оказался на полу, и я подалась назад. Абсолютно нагой, он напоминал древнего воина – жёсткого, совершенного своей воинственной силой. Мускулы перекатывались под бронзовой кожей, исходящая от него мужская энергия сковывала по рукам и ногам. Колено его вжалось в матрас возле моей ноги. Схватив за плечо, он перевернул меня на спину, и я, шумно дыша, посмотрела на него. Что я должна была? Что?! С трудом вспомнив минувший вечер, я коснулась лица Демьяна. Почувствовала его колючую щетину, тепло кожи.

– Сегодня я не настроен на это, – он перехватил мою руку, затем вторую и, рывком подтянув меня вверх, пригвоздил оба запястья к постели.

Я ощутила только, как пушинкой проскользнула по гладкой простыне, а следом... Накрыв меня собой, он впился в мой рот. Не давая мне ни секунды, Демьян проник в меня языком – жадно, обжигая собой. Тяжесть его тела была незнакомой, странной. И снова это чувство реальности и нереальности...

Я попыталась высвободить руки, но он только крепче сжал их, вталкивая язык. Глубоко, так, что я даже вдохнуть не могла. Брал меня уже так, словно свою собственность, словно я принадлежала ему, была чем-то, на что он имел право.

На краю сознания мелькнула мысль о том, что, придя сюда, я действительно дала ему подобное право – право на собственное тело, так точно. Хорошая девочка... Я должна быть хорошей девочкой.

Пытаясь ответить ему, я тронула его язык своим, чуть подалась навстречу.

– Ты мне сразу понравилась, – шумно дыша, просипел Демьян. Хватка на запястьях немного ослабла, и я смогла высвободить одну руку.

Положила её ему на грудь, провела до плеча, обхватила за шею. Глаза его горели, чёрные зрачки поглотили радужку, и мне казалось, что я вижу в этих самых зрачках своё отражение. Непривычное, незнакомое до этого момента чувство охватило меня, вспыхнуло внутри, пугая неведанной силой.

– Я знаю, – шепнула первое, что пришло в голову.

Чувствовала, как напряжены его плечи, чувствовала его горячее дыхание. Он упёрся ладонями по обе стороны от моей головы и склонился так низко, что между нашими лицами осталось не больше сантиметра. Дразня, поддел мои губы. Я подалась навстречу, но он тут же отстранился. С нажимом провёл по моему боку, крепко сжал бедро и отвёл ногу в сторону.

– Ай! – вскрикнула я, чувствуя, как он ворвался в меня пальцами. Глубоко, резко.

С губ слетел болезненный выдох, внутри всё сжалось. Демьян неотрывно смотрел на меня, мне в лицо. Первые резкие движения сменились медленными. Разведя пальцы в стороны, он натянул мою плоть и, нагнувшись, прижался губами к шее.

Я почувствовала, как язык его скользит по коже, быстрые поцелуи к мочке уха. Обхватив губами серёжку, он стал посасывать её, поглаживая меня внутри. Прикосновения его были... другими. Просто другими, не похожими на те, что я знала раньше, и то самое незнакомое вдруг снова встревожило меня. Прислушиваясь к себе, я закрыла глаза.

– М-м-м... – застонала, стоило ему снова вогнать пальцы до упора. К боли примешалось странное удовольствие... Низ живота занял желанием, которого я не испытывала уже очень давно, и я против воли выдохнула – горячо и протяжно.

Кончиками пальцев провела по шее Демьяна, коснулась его волос и выгнулась, подаваясь навстречу его пальцам. Быть хорошей девочкой... хорошей.

– Шлюха, – шепнул он, целуя меня за ушком. – Вы, бабы, все шлюхи. Но... – я почувствовала его усмешку. – Тебя я действительно хочу.

От слов его я задрожала, и даже дрожь эта была неправильной, непонятной мне. Узел желания, что поначалу был едва осязаемым, свернулся сильнее, из горла моего вырвался тихий, похожий на всхлип выдох. Я приподняла бёдра, подаваясь к пальцам Демьяна, запустила свои в его густые волосы и потянула на себя. Его губы на моих... Пожирающий, наполненный огнём поцелуй. Язык его ворвался в меня, и я опять потеряла право на всё, даже на глоток воздуха. Гладила его волосы и просто подчинялась. Губы болели, я задышалась, чувствовала только ускоряющиеся движения его руки, его нарастающее напряжение.

- Да... - рыкнул он, чуть ослабив натиск. Подхватил мою нижнюю губу, прикусил и тут же лизнул.

Погладил меня внутри и, убрав руку, провёл по складкам плоти. Нашёл клитор и, поласкав подушечкой большого пальца, надавил.

- О, Боже! - я судорожно втянула воздух. Что-то острое пронзило меня, скрутило низ живота спиралью, отозвалось в груди, ускорило пульс.

Несколько раз я быстро схватила воздух и, подняв веки, наткнулась на взгляд нависающего надо мной мужчины. Другого мужчины, не Эдуарда... Черты лица его были жёсткими, подбородок твёрдым. Острое желание коснуться его скул было безотчётным, и я подчинилась ему. Жёсткая щетина, и снова его пальцы на запястье...

Откинув мою руку, он обхватил мой затылок и приблизил лицо к своему. Пальцами второй провёл по губам, и я почувствовала собственную влагу. Собственный вкус во рту. Смотрела на него, а он трогал мои губы, мой язык.

- Ты же знаешь, что делать, - палец его заскользил меж моих губ, и я, обхватив, стала посасывать. Опустила было веки, но Демьян покачал головой. - Смотри на меня.

Я смотрела. Смотрела и чувствовала себя так, словно босая танцевала на раскалённых углях. Как он делал это со мной, я не знала, но кожа моя стала такой чувствительной, что даже прикосновение постельного белья заставляло меня изнывать.

– Дарина... – Демьян убрал палец, погладил меня по губе и снова вогнал его мне в рот, смотря прямо в глаза. – Красивое имя для красивой шлюхи...

Палец глубже, словно бы он трахал меня им в рот. Словно бы я была портовой девкой, готовой лечь в койку за пару зелёных бумажек...

– Да-ри-на, – сипло, на выдохе. Палец до упора. Кончиком он поддел мой язык и, убрал руку, взял меня за подбородок. Склонился и втянул запах возле моего виска. – Да-ри-на...

Его глухой рык пробрался прямо в сознание, заставив меня задрожать. Я окончательно перестала понимать происходящее, перестала понимать, что со мной за мужчина. Не просто всемогущий, способный подчинить себе любого. Нет... Он был древним божеством. Одним из таких, которым несчастные крестьяне приносили жертву, чтобы заслужить милость.

Крепко держа мою голову, он потёрся носом о щёку и снова припал ко рту. Извиваясь под ним, я раскрыла бёдра, обняла его. Чувствовала, как упирается в меня его член через ткань влажных трусиков, гладила его и смутно понимала, что хочу... Хочу этого. Что, если бы у меня сейчас была возможность уйти, я бы...

Грубо он прихватил мою губу, заставляя меня вскрикнуть. Я ощутила во рту вкус собственной крови, зубы наши стукнулись друг о друга. Поцеловав стремительно, несдержанно, Демьян отшвырнул меня на постель и, приподнявшись, рывком перевернул на живот.

Я приподнялась на локтях, но он грубо толкнул меня обратно.

– Лежать, – ткань трусиков жалобно затрещала под его пальцами, и мне вдруг стало по-настоящему страшно.

Тяжело дыша, я вновь попыталась приподняться, повернуться к нему.

– Лежать, я сказал, – зарычал он мне в ухо и, приподняв за бёдра, сунул под живот подушку. Ягодицы мои приподнялись, тяжёлое, горячее дыхание обожгло затылок.

– А-а-а, – закричала я, чувствуя резкое, глубокое проникновение.

Изогнулась и сжала в пальцах простынь. Он был действительно огромным. Таким огромным, что перед глазами потемнело, вспышка боли обдала нервы. А ведь я была готова... почти готова...

– Дарина... – ладонь его прошлась по моей спине. Не знаю, что было в звуке моего имени... Что-то незнакомое мне. Совсем незнакомое.

Толкнувшись, Демьян обхватил мою грудь. Сжал, губы его прошлись по шее, по плечу. Ещё один толчок – глубоко, уверенно.

Темнота отступила, и я смогла сделать вдох. Неожиданно услышала свой собственный голос, стон, показавшийся чужим...

– Ты даже лучше, чем я ожидал, – вбиваясь в меня, выдохнул Демьян. Пальцы его кружили по моей груди. – Н-да... Да...

Он покусывал кожу на моём затылке, больно сжимал грудь, с нажимом проводил по спине, по плечам, а я понимала, что горю. Желание, свернувшееся внутри, наполнило всю мою сущность. Оно струилось с кровью, согревало меня, превращая в рабыню инстинктов.

Беспомощно комкая в пальцах простынь, я всхлипывала под его ударами в меня, тыкалась носом в матрас и понимала – это край. И я... я на краю. Самое ужасное, что отвратительно не было... Несмотря на понимание, что он берёт меня, как брал бы продажную девку, несмотря на его слова...

– Демьян... – вскрикнула, когда он вонзился особенно глубоко. Боли не было, лишь жар. То пламя, что полыхало в его тёмных глазах.

Он погладил меня по бедру и заставил шире развести ноги. Схватил за волосы и приподнял мою голову.

Губы его прошлись по моей скуле, проникновения стали такими глубокими, что в голове снова поплыло, свихнувшееся сердце застучало у самого горла. Меж грудей скатилась капелька пота, а дыхание окончательно сбилось. Демьян

нашёл мой рот, завладел губами, и я, кое-как вывернувшись, ответила ему. Застонала в губы, понимая, что вся дрожу. Горю и дрожу. Влажная, я касалась его, чувствовала его запах, его вкус.

- Твой муж - идиот, - оставив мои губы, усмехнулся он. - Жалкий кретин, - толкнул меня на постель.

Голова моя ударилась о матрас, волосы прилипли к влажному лбу и вискам. Дрожь набегала и отступала, всхлип вырывался за всхлипом.

- Ладно, деньги... Он хоть раз нормально тебя трахал, Дарина? - рык, сводящий с ума, и проникновение. - Трахал? - ещё одно.

Он говорил что-то, рычал, входя в меня, а я только всхлипывала, прихватывала зубами простынь, сжимала её в кулаках, мотая головой. Чувствовала себя грязной, жалкой и одновременно с этим слабой. Только тело... тело моё жило, и то, что было внутри меня, тот огонь, что нёсся во мне, он не имел никакого отношения к разумному

- Вот так, - убрав с шеи волосы, Демьян уткнулся носом. Я ощутила, как он напрягся, как натянулось его сильное тело и... В ту же секунду, как он задрожал, как запульсировал во мне, я сама будто сошла с ума. Тёплая волна оргазма пробежала по мне до самых кончиков пальцев, слёзы выступили на глазах, пальцы сжались ещё крепче.

Всхлипнув, я уткнулась в кровать. Слышала, как шумно дышит Демьян, ощущала, как он выливается в меня, наполняя собой, и кусала губы, чтобы не застонать. Не застонать от удовольствия, которого не испытала ни разу за всё то время, что была замужем, за всё время наших с Эдуардом отношений. Имитировала, притворялась, но на самом деле... ни разу.

Глава 5

Не помню, как я уснула. Помню только, что проснулась от проникновения. А потом сквозь дымку дурмана - толчки, стоны... Реальность и нереальность. И

снова волна. Горячая, накрывшая меня так сладко и так сильно, что это оглушило, заставило заглянуть внутрь себя, в свою сущность.

Пытаясь прийти в себя, я подобрала ноги. Подтянула к груди одеяло и, прикрывшись, посмотрела на Демьяна. Поднявшись, он поднял халат и, небрежно накинув на плечи, отошёл к окну. На меня он даже не взглянул, будто совсем забыл о моём существовании. В голове всё ещё стоял туман, тело горело, низ живота ныл так, как будто... Господи, как будто только что я занималась сексом первый раз в жизни. Эдуард всегда считал себя знающим и умеющим доставить женщине удовольствие, хотя никакого удовольствия не было и в помине. В самом начале наших отношений он ещё пытался, а после... Демьян Терентьев тоже не пытался, и от этого я чувствовала себя совершенно опустошённой. Нет, не потому, что дела до того, чего я хочу, ему не было, а от того, что при всём этом я...

- Господи, - беззвучно шевельнулись мои губы, и я потёрла лицо руками.

Убрала волосы за уши и вновь посмотрела на Демьяна. Он повернулся ко мне, и взгляды наши столкнулись. Горло у меня сжалось, сердце, только-только начавшее успокаиваться, снова застучало чаще.

- Мне бы хотелось поговорить с вами о... - тихо начала я и тут же поняла, как глупо звучит это «вы». - Поговорить об Эдуарде.

- Не находишь это странным? - он положил ладони на край подоконника. Убрал и развернулся к постели.

Я снова могла видеть цепочку на его шее, тёмные завитки волос в вырезе халата. Завитки, которых я всего минуты назад касалась пальцами.

Ладони обдало жаром, и я поспешила сжать руки в кулаки. Конечно же, он был прав. Я и сама понимала это.

- У нас дочь... - осторожно заговорила я, пытаюсь понять, что может повлиять на его решения, на поступки. Знать бы ещё, что случилось...

– Если ты думала, что, стоит тебе лечь со мной в постель, я посмотрю сквозь пальцы на махинации своего сотрудника, ты либо очень наивна, либо очень глупа, – проговорил он холодно, с раздражением.

Внутри у меня всё оборвалось. И дело было не только в словах и в том, как он сказал их. Дело было во взгляде. Ни единой возможности переубедить, ни единой...

– Большие дела не решаются через женщин, Дарина, – бросил он, направляясь к двери. – Запомни это. Эдуард ответит за всё, что он сделал в той мере, в какой ответил бы любой другой на его месте.

– Но... – я торопливо поднялась, замоталась в одеяло.

Нагнала Демьяна уже в коридоре, прекрасно зная, что любыми попытками что-то объяснить, о чём-то попросить, вызову лишь большее раздражение. Нет. В тоне, во взгляде – нет. А секс...

– Секс был хорошим, – будто продолжив то, что было в моей голове, заговорил Демьян, проходя в гостиную. Взял из бара стакан для виски. – Но это не предмет сделки. Я тебе что-то предлагал?

Он смотрел на меня, ожидая ответа, но сказать мне было нечего. Достав бутылку бренди, налил себе в стакан и повторил:

– Так предлагал?

– Нет, – шепнула я.

Он по-прежнему смотрел на меня.

– Я тебя звал сюда?

Ответ был очевиден. Пальцы мои сжались, подбородок задрожал. Не знаю, что сдерживало меня от истерики – непонятно откуда взявшиеся остатки сил или что-то ещё. Босая, обёрнутая одеялом, влажная между ног, я стояла и смотрела на Терентьева. Разговор кончился, так и не начавшись.

– Можешь быть свободна, – сделал глоток, отрезал он.

Я хотела подойти, попросить хотя бы о небольшом снисхождении, но прежде, чем успела что-либо сказать, лежащий на стойке телефон негромко зазвонил.

– Да... – сухо проговорил Демьян. Выражение его лица стало мрачнее, глаза недобро блеснули. – Нет... Найти его. Я сказал, найти его, чёрт возьми! Да! – рявкнул прежде, чем положить трубку. – Сукин сын...

С грохотом опустив стакан на стойку, Демьян обернулся ко мне и, не говоря ни слова, схватил за локоть и потащил прочь из комнаты.

– Что случилось? – спотыкаясь об одеяло, спросила я. Голос прозвучал жалко, одеяло размоталось, и я, в очередной раз споткнувшись, выпустила его из рук.

Терентьев молча доволок меня до спальни. Тошнота подкатила к горлу, стоило увидеть его лицо – он был страшен. Страшен не в привычном понимании этого, а той силой, что таилась внутри него, той опасностью, что была в нём.

– Одевайся, – толкнул меня на пол, туда, где валялось платье. – Сука... – процедил сквозь зубы.

Повалившись на ковёр, я смотрела на него снизу-вверх и не понимала, что происходит. Сжав зубы, он шумно выдохнул. Я нащупала лифчик, чулки... Вспомнила, что он разорвал мои трусики.

– Что... – сжимая бельё, попробовала спросить снова, но наткнулась на предупреждающий взгляд.

Одеться я не успела – Демьян снова сгрёб меня. Выдернул из рук бельё, поднял платье и сунул мне. Я поняла, что больше не могу. К глазам подступили слёзы, пальцы не слушались.

– Ты мне ещё за это ответишь, – проговорил он тихо, с угрозой. – Учти, Дарина.

– За что? – непонимающе спросила я, натянув платье прямо на голое тело.

Он внимательно посмотрел на меня и, качнув головой, взял за локоть. Подвёл к входной двери и, сунув в руки клатч, открыл её.

- Пошла вон.

Едва я переступила порог, дверь закрылась. Не чувствуя ног, я добрела до первого попавшегося диванчика и присела на поручень. Сжала в руках клатч и сделала глубокий вдох. Кажется, это конец. Стоит мне вернуться к Эдуарду ни с чем...

Прошло несколько минут прежде, чем я смогла подняться и пойти к лифтам. Соня... Дома Соня. О ней я должна думать.

Денег, что у меня были, едва хватило на то, чтобы взять такси. Несколько раз я, заткнув поглубже страх, набрала Эдуарду, но телефон его был недоступен. На город опустилась ночь, едва подсвеченные улицы были безлюдными.

Оказавшись у дороги, где ожидала меня машина, я поёжилась. Платье на голое тело, высокие шпильки и крохотный клатч... Нетрудно было догадаться, за кого примет меня водитель.

Как ни страшно было мне садиться в машину, пришлось сделать это. Забившись в угол заднего сиденья, я съёжилась. Глянув в зеркало заднего вида, перехватила взгляд водителя.

- Улица... - он назвал адрес, по которому меня следовало отвезти.

- Да, - сиплым, чужим голосом отозвалась я, и машина тронулась с места.

Несмотря на то, что в салоне было тепло, меня то и дело бил озноб. Чувство, что от меня пахнет сексом, не покидало ни на миг. Сексом и запахом мужчины, с которым я этим самым сексом и занималась совсем недавно. Догадаться, какой видел меня сидящий за рулём водитель, было несложно - спускаясь в лифте, я и сама вдоволь насмотрелась на собственное отражение. Сколько ни пыталась стереть косметику, пригладить волосы, ничего не помогало. На шее моей красовалось несколько засосов, губы были припухшими.

К глазам подступали слёзы. Как ни пыталась я сдерживать их, в конечном итоге несколько скатилось по щеке, и я поспешно вытерла их, боясь привлечь к себе ещё большее внимание. Хотелось стать тенью. Незаметной, невидимой. Хотелось просто в целости доехать до дома. Дом...

За всё время пути водитель – выходец с востока, не проронил ни слова, не задал ни одного вопроса. Заметив угол собственной многоэтажки, я облегчённо выдохнула и, стоило машине остановиться, поспешно покинула салон.

Звук шагов отдавался от стен подъезда, когда я шла по лестнице к лифту, когда вышла из него на своём этаже. Ключ, что я вытащила из клатча, то и дело норовил выскользнуть из пальцев. У двери я всё же выронила его. Прижалась лбом к металлу и выдохнула. При мысли о муже меня снова затрясло, на плечах выступили мурашки. Я знала, что этот вечер и ночь он мне никогда не забудет. Не забудет, даже несмотря на то, что сам заставил пойти к Терентьеву, сам, угрожая дочерью, заставил лечь под него. Страшная, необратимая реальность обрушилась на меня. Мой муж – тиран, а я... Я полностью зависима от него.

Кое-как справившись с замком, я вошла в квартиру и прислушалась. В кухне работал телевизор.

– Эдуард, – позвала я негромко, чтобы не разбудить дочь. Голос прозвучал тонко, натянуто. – Эдик!

Забыв разуться, вошла в кухню и увидела свернувшуюся на кожаном диванчике Соню. По экрану включенной плазмы прыгали герои её любимого мультика, по кожаной обивке, столу и полу были разбросаны конфетные обёртки.

Испуганная, не понимающая, в чём дело, я подлетела к дочке и тронула её плечико.

– Соня! – потеревила, чувствуя, что на меня накатывает истерика. – Соня...

Дочь приоткрыла сонные глазки, и я выдохнула. Зевнув, она потёрла личико.

– Мама, – шепнула тёплая, особенно нежная со сна.

– Ты почему тут сидишь, малыш? – по-прежнему не в силах понять, что происходит, спросила я. – И кто тебе разрешил брать конфеты? Соня...

– Папа, – она снова зевнула. – Он сам мне их дал.

– Папа? – переспросила я, хмурясь, и обернулась к коридору, будто бы Эдуард мог появиться там от одного упоминания о нём.

То, что он не вышел мне навстречу, само по себе было странно, но напуганная, я только сейчас придавала этому значение.

– А где сам папа? – снова посмотрела на дочь.

– Он уехал в командировку, – бесхитростно отозвалась она. В уголках её губ остался шоколад, и я по привычке стёрла его пальцами. – Ещё вчера вечером. Вначале вы вдвоём уехали, а потом он вернулся и опять уехал. Сказал, что ты очень занята, и чтобы я не звонила тебе. Сказал, если я не буду тебе мешать, он привезёт мне много кукол, – протараторив это, она набрала в лёгкие побольше воздуха, но выдохнула, не сказав ни слова. – Пить хочу, – проныла жалобно.

Я встала с корточек и, налив стакан воды, протянула ей. Соня тут же припала к нему и жадно выпила почти всё. Я осмотрела стол, пол. Невольно подумала, что теперь у дочери наверняка появится сыпь, что завтра её будет тошнить и...

– Я же была хорошей девочкой? – ворвался в моё сознание голосок дочери. – Папа сказал, что я должна быть хорошей девочкой. Я тебе не мешала, мам. Я честно не звонила.

– Не мешала, – я села рядом с ней и крепко обняла. – Ты не помешала бы мне, даже если бы позвонила, милая.

Меня трясло, голос дрожал. Истерика всё же накрыла. Догадаться, что нет никакой командировки, было нетрудно. Уехать вот так, бросив дочь...

– Мам, ты замёрзла? – почувствовав мою дрожь, тут же спросила Соня.

– Да... – отозвалась я и тут же вытерла влагу со щёк. – Да. Ты... ты минутку посиди тут, ладно? Я сейчас приду.

Внезапная мысль заставила меня подскочить. Быстро дойдя до спальни, я открыла ящик, где обычно лежали наличные и карточки – ничего. Перерыла весь, сверху донизу, прекрасно зная, что это не поможет. Шкатулочка с украшениями тоже оказалась пуста. Обручальное кольцо... Дорогое обручальное кольцо из белого золота... Эдуард попросил снять его перед тем, как я пошла к Терентьеву. Даже его не было.

Я сжала подвеску, казавшуюся удавкой. Вот и всё, что у меня осталось. Ни денег, ни того, что можно бы было продать, разве что...

Раскрыла шкаф. Несколько дорогих сумок, что подарил мне Эдуард в прошлом, пропали, те же, что остались...

Стоя у раскрытого шкафа, я запрокинула голову и глухо засмеялась мёртвым, лающим смехом, быстро сменившимся глухими всхлипами.

– Мам... – в дверях появилась дочка. – Мамочка... – подбежав, она обхватила тонкими руками мои ноги и задрала голову. – Не плачь. Папа ненадолго уехал. Ты не соскучишься. И... и он тебе тоже что-нибудь обязательно привезёт.

– Конечно, – я присела и опять обняла её. – Конечно, – выдохнула, понимая, что меньше чем через неделю нам нужно заплатить за квартиру. За съёмную квартиру. А потом за садик и...

– Всё будет хорошо, – шепнула, стараясь убедить в этом вовсе не дочь. Я должна справиться. Должна. Только... Стиснула объятия сильнее. – Я сейчас уложу тебя. Ты... Ты только...

Сглотнула ком в горле, надеясь лишь на одно: на то, что дочь сегодня уснёт быстро. Потому что убаюкивать её у меня не было никаких сил. Никаких. Только горечь и слёзы. А убаюкивать собственного ребёнка горечью... Нет.

Будто услышав мои мольбы, Соня быстро притихла. Не знаю, действительно ли она уснула или просто почувствовала, что мне нужно побыть одной. Поцеловав

её напоследок в мягкую щёчку, я выключила ночник и вышла из детской.

В ящике стола осталась бутылка вина, с которым я мариновала мясо. Достав её, я взяла бокал и, как была, без белья, в одном платье, сползла по стене прямо на пол. Поднесла горлышко к губам и сделала глоток. За окном было темно. Темно было и у меня внутри. Ещё три раза я набрала Эдуарду, но это, само собой, ни к чему не привело. Время от времени у меня вырывался перемешанный с всхлипами смех, но в конце концов кончился даже он.

Утро занималось серыми облаками, а я по-прежнему сидела на полу посреди догорающих руин собственной жизни. Жизни, что начала рассыпаться в тот самый миг, когда я повстречала своего будущего мужа. Ничего не осталось. Ничего. И меня самой тоже не осталось. Только один красивый, сильный росток среди выжженной пустыни – Соня.

Внезапный звонок в дверь заставил меня поднять голову. Замёрзшая, зарёванная, я не сразу смогла встать. Звонок повторился. Лишь дойдя до двери, я поняла, что никого не жду. Эдуард? Вряд ли... Для того, чтобы поверить в это, нужно было выпить куда больше, чем выпила я.

Выглянув в глазок, я увидела курьера из службы доставки. Ею обычно пользовалась компания, где работал муж. Не знаю, что заставило меня открыть замок: вино ли, что подкатывало к горлу тошнотой, безысходность или апатия.

– Что вам нужно? – спросила я, не снимая двери с цепочки.

– Для вас коробка, – курьер показал мне небольшую круглую коробку с маленьким золотистым бантом на крышке.

Я нахмурилась. Вот это точно походило на бред. Какой-то абсурд...

– Коробка?

– Если хотите, я оставлю её на пороге, – предупредительно предложил курьер.

Я сняла цепочку. Этого делать мне тоже не стоило, но... Если начать перечислять всё то, чего бы мне не стоило делать, список получился бы очень

длинным.

Едва картон оказался у меня в руках, посыльный испарился, будто его и не было.

В висках ныло, голова была тяжёлой. Вернувшись в квартиру, я прошла в кухню и поставила коробку на стол. Насыщенно-коричневая, с крохотным золотистым бантиком.

Взяла бутылку с ещё плескавшимся на дне вином и, глядя на этот бантик, сделала последний глоток. Сняла крышку и развернула шуршащую упаковочную бумагу.

Внутри оказались трусики. Тонкие, кружевные, дымчато-серебристого цвета. Трусики... Проклятые трусики и ничего больше. Нет... ещё записка в которой была всего одна строчка с указанием места, даты и времени, а внизу крохотная подпись: ДТ.

Сжимая в пальцах шёлк, я смотрела в окно, где серел рассвет и думала... Думала о том, что будет со мной дальше. Потому что мужчина, назначивший мне встречу, был куда хуже того, что взял меня когда-то, а этой ночью бросил на произвол судьбы с крохотной дочкой и крохотной подвеской на шее. Куда опаснее. Опаснее во всех смыслах.

Глава 6

3 недели спустя

– Пройдёмте, Дарина Сергеевна.

Преградивший мне дорогу мужчина говорил негромко, не привлекая к нам внимания, но весь вид его свидетельствовал о том, что шанса отказаться у меня нет.

Я отступила на шаг назад и мельком осмотрелась. Заметила припаркованный близь тротуара внедорожник.

– Я никуда не пойду, – хотела сказать уверенно, но получилось совсем жалко.

– Боюсь, что выбора у вас нет, – пальцы мужчины стальной хваткой сомкнулись на моём локте. Твёрдо он посмотрел мне в глаза и повторил: – Пройдёмте. Демьян Давыдович не любит, когда его заставляют ждать.

– Мне всё равно, что любит или не любит ваш Демьян Давыдович!

Я всё же попробовала высвободить руку. Дёрнулась, отступая.

Мужчина легко проволоч меня до машины и, открыв дверь, втолкнул на заднее сиденье. Запнувшись о край, я некрасиво рухнула в салон. Волосы упали на лицо, ладонь моя коснулась мягкого кожаного сиденья.

Стоило сделать вдох, лёгкие наполнились едва знакомым, но отпечатавшимся во мне, должно быть, на всю жизнь запахом. Запахом человека, способного превращать в пепел, подчинять своей воле одним лишь взглядом, человека, получающего всё, чего он только пожелает.

Подняв глаза, я наткнулась на пристальный, непроницаемый взгляд Демьяна Терентьева. Дыхание перехватило, на миг я перестала чувствовать собственное тело. Кое-как собралась и, удобнее усевшись на расстоянии от него, заставила себя посмотреть прямо.

– И долго ты будешь испытывать моё терпение, Дарина? – спросил он тихо, вкрадчиво.

Вдоль спины у меня побежали мурашки. Невольно я плотнее сжала ноги и стиснула пальцами ремешок сумочки.

– Ваше терпение? – переспросила, понимая, что меня захлёстывает гнев. – Вы ничего не путаете?

– Я никогда ничего не путаю, Дарина, – повторил он всё тем же обманчиво-спокойным тоном и кивнул водителю.

Внедорожник плавно тронулся с места. В панике я дёрнула дверцу, но та, конечно же, оказалась заблокирована.

– Куда мы едем? – как ни пыталась я держаться, голос дрогнул. – Я не хочу иметь с вами никаких дел, неужели вы этого еще не поняли?! Оставьте меня в покое!

Дёрнула дверь снова.

– Раньше надо было думать об этом, – в бархате голоса появились жёсткие нотки.

Стоило Демьяну сократить расстояние между нами, я втиснулась в угол сиденья, но это не помогло. Бедро его коснулось моего бедра, пальцы опустились на коленку. Сквозь тонкий капрон колготок я почувствовала обжигающее прикосновение. Вдохнула, и голова тут же пошла кругом.

Этот запах напоминал о совершенной ошибке. Пугал, внушал чувство бесконечной тревоги и опасности. В памяти против воли всплыли воспоминания о вечере, когда я пришла к нему, и внутренности скрутило. Никогда больше! Никогда!

Демьян провёл вверх по моей ноге, приподнимая полу пальто, забираясь под юбку, и меня затрясло. Во рту пересохло, я забыла, что надо дышать. Снова это чувство – страх и... странное, непонятное волнение, что я испытала рядом с этим мужчиной именно тогда, три недели назад, когда пришла к нему домой, когда мы...

– Я не люблю долго ждать, – второй ладонью он резко обхватил мой затылок. Сжал волосы несильно, но уверенно.

Я оцепенела. Сердце колотилось в груди маленьким испуганным зверьком. Его дыхание щекотало губы, пальцы выписывали на бедре обжигающие узоры. Как немая, я не могла сказать ни слова, хотя гнев, что зародился внутри, стоило мне оказаться в машине, никуда не делся.

– Если я чего-то хочу, я это получаю, – большим пальцем он погладил мой висок, а после ещё сильнее сжал волосы.

Я сглотнула, прикрыла глаза. Расстегнув нижнюю пуговицу моего пальто, он пробрался под край кофты. Прикосновения его были уверенными, наглыми, и меня трясло всё сильнее.

Гнев, ощущение опасности, страх... И где-то внутри, в самой глубине меня... То самое волнение. Будто очнувшись от наваждения, упёрлась в его грудь ладонями.

– Нет, – со всей силы оттолкнула его и сквозь сжатые зубы повторила со злостью: – Нет!

Запах его проникал так глубоко, что у меня путались мысли. Я плохо понимала, что именно ему от меня нужно, зачем ему это всё. Быть игрушкой для очередного двинутого психа?! С меня достаточно. Только-только я начала, пусть даже слабо, верить, что смогу справиться, выстроить заново свою жизнь, и теперь он... Что ему нужно от меня?!

Расстегнув пуговицы пальто, Демьян провёл раскрытой ладонью по моему боку, после жёстко тронул спину, задирая кофту до самого бюстгальтера.

Смотрел мне в глаза и трогал, совершенно не обращая внимания на мои попытки вернуться, оттолкнуть его.

Задыхаясь яростью, бессилием, я готова была драться до последнего, хотя заведомо понимала – бесполезно. С этим мужчиной всё бесполезно.

Зажатая меж ним и спинкой сиденья, я снова напоминала себе пойманную в силочку птичку, но на этот раз сдаваться не собиралась.

– Остановите машину! – прорычала, что есть силы толкнув его в плечо.

Пальто съехало, сумочка упала к ногам.

– Будет так, как я скажу, – просипел он, ухватив меня за подбородок и сжав его.

Глаза его потемнели, в зрачках плясало пламя.

Я судорожно выдохнула, плохо соображая, что вообще происходит. Только смотрела на него. Растрёпанная, в небрежно расстёгнутом пальто и скомканной кофте. На губах – послевкусие его дыхания, кожа горела огнём.

– Не со мной, – просипела в ответ. – Скажите водителю, чтобы он остановился. Если у вас проблемы с моим мужем – с ним их и решайте. Я не имею к этому никакого отношения.

Уголок его рта дёрнулся то ли в подобие пренебрежительной усмешки, то ли от недовольства.

Убрав кончиками пальцев прядь волос с моего лица, он провёл по бровям, по носу.

– Об этом не беспокойся, – аккуратно поправил воротник моего пальто.

Я всё ещё чувствовала прикосновение его бедра, и даже в этом было что-то такое... Что не давало ровно дышать. Мне хотелось оказаться где угодно, лишь бы не в этой машине. Дальше от него, как можно дальше. Забыть и не вспоминать.

Его присутствие рядом пугало и одновременно с этим волновало, его взгляд проникал в самую суть, заставляя меня чувствовать себя никем, тогда как он оставался самим собой – человеком, держащим в своих руках не только собственную, но и жизни многих людей. И с моей жизнью он мог сделать всё, что захочет, сейчас, глядя в его глаза, я понимала это, хоть и не хотела принимать.

– Уберите руку, Демьян, – я обхватила его запястье.

Удерживая, он тронул мою шею, приспустил ворот водолазки и коснулся горла, кончиками пальцев обрисовал ключицы.

– Остановите машину, – просипела, вжимаясь в спинку сиденья.

Всплеск ярости заставил меня вцепиться в его руку. На этот раз он всё же отпустил.

Глаза в глаза. Я пыталась бороться с ним даже сейчас, в этой безмолвной схватке взглядов, но снова проигрывала.

Подальше от него. Держаться подальше от него и от подобных ему. И не вспоминать. Мужа с меня достаточно! Хватит!

– Вы не имеете права лезть в мою жизнь, – выпалила с гневом, что клокотал во мне. – Поэтому не приближайтесь. Никогда больше не приближайтесь ко мне и не трогайте меня.

Он молчал, тогда как я ощущала, что меня буквально разрывает – яростью, страхом, непонятым бессильным отчаянием. Сердце по-прежнему стучало у горла, от взгляда его по спине бродил холодок, а кожу жгло от недавних касаний его рук.

– Останови тут, – резко бросил Демьян водителю и толкнул меня на дверцу. Блокировка тут же была снята.

Испуг мой вдруг усилился. Я и сама не могла понять, почему: то ли голос его зазвучал особенно жёстко, то ли в глазах на миг мелькнуло что-то такое... Что-то особенно сильное.

Наощупь я нашла ручку, но открывать не спешила. Так и сидела, сбитая с толку, не зная, что делать дальше и как быть. Мне было страшно, я не хотела вспоминать о том вечере, но при этом забыть не получалось. И, что самое главное, он не давал мне забыть.

Демьян больше не касался меня, только смотрел, но я всё равно не могла уйти. Не могла, чёрт подери, уйти, хотя должна была сделать именно это. Его взгляд держал меня, и причина была не только в силе, что исходила от этого мужчины. Почему-то мне не хотелось... Не хотелось, чтобы он считал меня одной из тех, кого можно запросто сломать, с кем можно играть в подобные игры.

На колени мне легла моя же сумочка, и я вздрогнула.

– Можешь идти, – бросил Демьян и, протянув руку, сам открыл дверцу у меня за спиной. – До скорой встречи, Дарина.

Рука его мимолётно задела моё бедро, тела наши соприкоснулись. Оглушённая, я почти вывалилась на улицу. Октябрьская прохлада тут же окутала тело, и я поспешила запахнуть пальто. Ремешок сумки опять выскользнул из рук, пуговицы никак не желали застёгиваться. Боже мой...

Нетвёрдо шагнув вдоль улицы, я вдруг поняла, что вижу в нескольких метрах от себя кованную калитку садика. Воспитательница, окружённая горошинками-ребятишками, среди которых была и моя стрекоза, стояла на улице и разговаривала с одной из мамочек, а я не могла сдвинуться с места.

Отыскала взглядом дочь и просто стояла, смотря на неё издали. Я не говорила ему... Не говорила, куда иду. Не говорила, где Сонин сад. Не говорила...

Я ему ничего не говорила.

– Что с тобой? – прямо спросила Света, стоило мне попасться ей на глаза.

Произошло это почти в тот же момент, что я зашла в комнату, ибо спрятаться на шестнадцати квадратных метрах было попросту негде.

– Ничего, – поспешно ответила я и, размотав шарф, убрала его в старенький, ещё советских времён шкаф, где вместе с вещами подруги ютились остатки моих, те, что я не продала или не смогла продать вместе с остальными.

– Мне-то ты можешь не врать, – подруга и не думала отступать.

Взяв за руку Соню, она улыбнулась ей и тронула пальцем кончик её носа. Снова посмотрела на меня многозначительно, ясно давая понять, что разговор не окончен. Мне оставалось только вздохнуть.

От квартиры, что снимал для нас Эдуард, конечно же, пришлось отказаться. Куда уж! Сто тысяч в месяц! В первые дни я, оглушённая, не понимала, что делать и за что хвататься. Ясно было одно – я должна найти для нас с дочерью

какой-то угол и придумать что-нибудь с садом, причём, сделать всё это быстро.

Коробка с присланным не то приглашением, не то подарком Демьяна Терентьева, так и стояла на подоконнике в кухне, служа напоминанием о совершённых ошибках. Не только вечере, проведённом с ним, но и всех остальных, что я сделала раньше, начиная с того момента, когда позволила Эдуарду подчинить себе свою жизнь.

Малодушная мысль вновь подчиниться воле сильного, мелькнувшая в тот момент, когда я прочитала записку, сменилась решимостью бороться. У меня ведь были цели, желания, мечты... Когда-то, до встречи с Эдуардом. Были!

Задумавшись, я зацепила угол одной из лежащих в шкафу коробочек. Красные, серебристые, лиловые, они посыпались к моим ногам. Дети тут же встрепенулись.

– Что это?

Сын Светы оказался возле меня и поднял одну, продолговатую, насыщенно-бордовую с крошечным коричневым бантиком.

– Да так... – уклончиво ответила я, забирая её у него из рук. – Просто коробочка.

Перехватив насмешливый взгляд подруги, поспешила собрать их все и сунуть обратно в шкаф. За три недели этих самых «посылочек» накопилось почти с десяток. В каждой – крохотная открытка с указанием места и времени. Записка и бельё. Трусики, как и сами коробочки, абсолютно разные, но неизменно изысканные, из тончайшего кружева и шёлка.

– Так ты мне расскажешь, что случилось? – налив нам по чашке растворимого кофе, спросила Света, усаживаясь за стоящий возле окна столик.

В коммуналке, где она жила, было несколько комнат, каждая из которых принадлежала отдельному хозяину. После нашей съёмной квартиры со всеми удобствами и свежим ремонтом всё это казалось...

Услышав доносящуюся из коридора ругань, я только выдохнула. О чём тут говорить?

Дети спорили, устроившись в отведённом им для игр уголке поодаль от стола. Пытаясь хоть как-то организовать пространство, мы разделили комнату на детскую и взрослую зоны, хотя того, что игрушки всё равно валялись повсюду, это не отменяло.

Не знаю, что бы я делала без Светки. Узнав о том, что случилось, она без колебаний предложила перебраться к ней. Возражения мои она даже слушать не стала.

– У тебя есть варианты лучше? – с присущей ей прямоотой только и спросила она тогда.

Вариантов лучше у меня не было. Ни лучше, ни хуже. У меня вообще не было вариантов, разве что снять на какое-то время недорогой хостел, а дальше...

Что дальше, я не знала, и от этого мне было страшно. Платить за частный сад я больше не могла, а устроить Соню в государственный без питерской прописки, да ещё и в столь короткий срок...

– С садом мама поможет, – решительно заявила тогда Света. – Она много лет работала в местной управе и...

Кажется, именно тогда я разревелась. Сидела, глядя на Светку, и рыдала, как ненормальная. Острое чувство благодарности, понимание, насколько мало я ценила подругу, осознание собственной слабости: всё это нахлынуло на меня. Но прошло три недели...

– Демьян, – нехотя призналась я, отставив чашку. – Он... Я не знаю, что ему от меня нужно, Свет! – выпалила с гневом. – Он...

– Ты про его очередной подарок? – в глазах её мелькнул лукавый блеск.

Сделав глоток кофе, она едва заметно улыбнулась.

– Какой подарок? – с непониманием переспросила, чувствуя всё большее раздражение. – Он опять прислал...

Не дослушав меня, Светка встала и, подойдя к двери, возле которой на крючках висела наша верхняя одежда, вытащила что-то из кармана моего пальто. Вернулась к столу и небрежно кинула мне в руки. Приподняв бледно-розовые кружевные трусики с приколотой к ним запиской, я в голос застонала и швырнула их в Светку.

– Ты хоть представляешь, сколько они стоят? – глянув на бирку, осведомилась она.

– Какая разница? – гнев, немного утихший за то время, что прошло с момента нашей с Демьяном встречи, вспыхнул во мне с новой силой. – Что ему надо от меня, Свет?! Почему он просто не может оставить меня в покое?

– Думаю, он тебя хочет, – ответила она с таким видом, будто это было чем-то само собой разумеющимся. – Причём хочет сильно. Не стал бы мужик так изгаляться, если бы...

– Да вот именно! – перебила я её. – Если бы он чего-то хотел, прислал бы цветы. А это... – махнула на трусики в её руках. – Извращение какое-то!

– Хочешь мой совет? – она откинулась на спинку стула и, положив ногу на ногу, покачала ступнёй. – Встреться с ним. Хотя бы раз-другой. Что ты теряешь?

– Навстречалась уже, – разговор мне не нравился, блеск в глазах подруги – тоже.

Посмотрев на возящихся с игрушками детей, я заставила себя немного успокоиться. Отпила кофе, взяла печенье и отломил уголок.

– Я хочу одного – чтобы он оставил меня в покое, понимаешь? Забыть хочу обо всём.

– Дура ты, – заключила Светка. – Ты можешь просто встретиться с ним. Посмотришь, что он...

– Не хочу, – категорично сказала я, снова перебив её. – Это не тот человек, с которым можно просто встретиться. Тем более, после всей этой истории с Эдиком.

– Ты действительно считаешь, что вот это, – она кинула трусики на стол, рядом со своей чашкой, – и твой муж как-то связаны?

– Не знаю, – на меня вдруг накатила усталость.

Я действительно не имела понятия, что скрывается за этими «посылками». Единственное, что мне было нужно – оставить в прошлом ту жизнь, которой я жила, и начать всё заново. Только как?! Как, если Терентьев не давал забыть о себе даже на мгновение? Если, завидев вдалеке силуэт похожего на моего мужа мужчины, я вздрагивала, ибо понимала – возвращение его не принесёт мне ничего хорошего.

– Свет, ты понимаешь... – не скрывая усталости, заговорила я, – мне не нужно ничего. Наелась, сыта по горло.

– Не все мужчины такие, как твой... – многозначительная пауза яснее всякого говорила о том, что она думает о моём муже. – Нельзя упускать...

Прокатившийся по коридору звонок заставил её на несколько секунд замолчать. В холле слышались шаги.

Ещё не до конца привыкшая к жизни в густонаселённой коммуналке, я прислушалась к звукам, раздающимся за пределами комнаты. Светка же, казалось, уже и думать об этом забыла.

– Ты не думаешь, что действительно ему нравишься? – теперь она говорила спокойно, несколько вдумчиво. – Мужик запал на тебя, Дарин. Говорю тебе.

– Не хочу, – в который раз повторила я и качнула головой. – Пусть найдёт себе друг...

Резкий, злобный стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

Света встала и, тряхнув волосами, пересекла комнату. Распахнула её и холодно спросила у стоящей на пороге женщины:

- Что случилось, Валентина?

Та выглядела недовольной. Как, впрочем, и всегда. Маленькая, круглолицая, с узкими блёклыми волосами, она походила на щекастую мышь. Отчасти понять её было можно: прожить всю жизнь с никчёмным, прикладывающимся к бутылке мужем в коммунальной квартире – не тот удел, о котором обычно мечтают женщины. Наверное, я бы могла осудить её за то, что она не попыталась что-нибудь изменить. Наверное... Вот только за последнее время желания осуждать хоть кого-то во мне сильно поубавилось.

- Почему я должна открывать дверь гостям твоей...

Я мигом напряглась. Гостям Светиной...

- Кажется, там кто-то по твою душу, – обратилась ко мне Света, и во взгляде её снова мелькнуло красноречивое выражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/kovalevskaya_alisa/obyazana-byt-ego

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)